

Н.М. Азарова

Второй раздел журнала «Критика и семиотика», посвященный поэтическому билингвизму, включает целый ряд статей, написанных по следам международной научной конференции к 80-летию Г. Айги «Язык и языки поэзии», которая прошла в октябре 2014 г. в Институте языкознания РАН.

Геннадий Айги (1937-2006), один из самых значительных русских поэтов второй половины XX века, родился в Чебоксарах, и его родным языком был чувашский; но с 1958 г. его основным поэтическим языком стал русский. Поэзия Айги позволяет поставить вопрос о поэтическом билингвизме и осмыслить его не только в связи с проблемой идентичности, но и с лингвистической и семиотической точки зрения, а также нарисовать некую панораму случаев поэтического билингвизма в разных культурах. Действительно, если рассматривать проблему билингвизма в исторической перспективе, то можно выделить эпохи расцвета поэтического билингвизма, как это происходило, например, в средневековой мусульманской Испании или в России советского времени.

Несмотря на то, что билингвизму как таковому посвящено огромное количество исследований, о поэтическом билингвизме существуют лишь точечные замечания, как правило, встроенные в исследования поэтики отдельных авторов, и теоретические обобщения проблемы поэтического двуязычия на настоящий момент отсутствуют. В этом издании делается попытка начать этот разговор, который может стать отдельным направлением исследования.

Необходимо различать две разные постановки вопроса, которые имеются в виду под билингвизмом применительно к поэтическому дискурсу. Первая – это билингвизм поэта, подразумевающий, что поэт владеет двумя или более языками, но производит тексты на одном из них. И вторая – это по-

этический билингвизм¹, то есть производство поэтических текстов одним автором на двух или более языках. И то, и другое представляет безусловный интерес для изучения, но постановка проблемы должна быть разной. Кроме того, к проблематике поэтического билингвизма примыкает тема межъязыкового взаимодействия у поэтов-монолингвов. В настоящее время мы наблюдаем взлёт межъязыкового взаимодействия в поэзии разных стран, и, хотя межъязыковое взаимодействие нуждается в отдельном определении и не является поэтическим билингвизмом в строгом смысле слова, эта проблематика тоже представляется актуальной, тем более что межъязыковое взаимодействие встречается как у поэтов-монолингвов, так и у поэтов-билингвов.

Под поэтом-билингвом в строгом смысле слова подразумевается тот поэт, который не просто в более или менее равной степени владеет двумя или более языками, то есть является билингвом, но и пишет поэзию на двух языках. Условно говоря, билингв, будучи поэтом, может и не быть поэтом-билингвом, то есть он может выбрать для поэзии только один язык, что чаще всего и происходит. В этом случае его рефлексия будет носить в основном социо-культурный характер, а не метаязыковой или метатекстовый.

Особый вид рефлексии поэта билингва – объяснение выбора лишь одного или преимущественно одного языка для поэзии, что мы видим, например, в классическом случае Пауля Целана, который после уговоров писать на румынском, чтобы не писать на немецком – на языке убийц родителей, сказал, – что только на родном языке поэт говорит правду. На чужом языке поэт лжет.

Билингвизм не есть что-то экстраординарное для билингвов (не-поэтов). Это по большей части само собой разумеющийся факт, вернее,

¹ В англоязычной терминологии это соответствует терминологической паре *bilinguality* и *bilingualism*.

обстоятельство их жизни, как еда, сон и т.д., то есть может не рефлексироваться билингом. Однако то же самое в поэтическом билингвизме невозможно из-за автореференциальности и автокоммуникативности поэтического текста как его основополагающих свойств. Поэтому собственный билингвизм, если так или иначе попадает в текст, неизбежно становится объектом рефлексии поэта-билингва независимо от того, получает ли эта рефлексия непосредственное вербальное выражение.

Поэтический билингвизм в какой-то мере может прояснить ответ на вопрос, который долгое время задаётся при изучении билингвизма, а именно: какая из двух гипотез языковой организации билингва правильная – та, что рассматривает языковую организацию как единый склад (stock) с разными элементами, или та, что видит организацию двух языков как две независимые системы. Поэтический билингвизм, очевидно, говорит в пользу второй гипотезы, так как чаще всего два языка реализуются в двух поэтиках, более или менее независимых, или по крайней мере старающихся отли-

169

чаться друг от друга. В этом смысле можно рассматривать два языка в поэзии и как конструирование двух говорящих субъектов, то есть своеобразный вариант лингвистической гетеронимии. Можно поставить вопрос о разной субъективации в случае поэтического билингвизма, что нельзя понимать упрощённо (разные субъекты – это не разные роли, маски и т.д., но, очевидно, способ конструирования субъективности будет отличаться у одного автора на разных языках).

Особым вопросом при изучении поэтического билингвизма должен быть вопрос о переводе. В пользу того, что языковая организация билингва – это две системы, свидетельствует и то, что поэты-билингвы не любят быть переводчиками между своими двумя языками, а если это случается, то, как показывают исследования, поэтика перевода в корне отличается от поэтики

оригинального творчества. Переводческая практика поэтов-билингвов, как правило, подразумевает перевод с третьего языка. И именно поэтому немногочисленные известные случаи автопереводов представляют особый интерес для лингвиста и семиотика.

Наталия Азарова